

профессионально-творческие задачи [1].

Проблема формирования творческой компетентности у студентов является многогранной, требующей инновационных подходов, современных научных взглядов и исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Ю.В. Педагогическая система ориентации профессионального обучения на саморазвитие конкурентоспособности студентов: автореф. дис. ... д-ра пед. наук /Ю.В. Андреева.- Казань, 2006.
2. Афанасьев В.В. Формирование творческой активности студентов в процессе решения математических задач: Монография. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1996.
3. Томилова Т.Н. Подготовка будущего учителя к профессионально-творческой деятельности в процессе педагогической практики / Т.Н. Томилова // Формирование компетенций учащихся и студентов в общем и профессиональном образовании: материалы Междунар. заочной науч. - практ. конф. часть I- Челябинск, 2006.

О.В. Чижикова
(ВГСХА, Волгоград)

ОБ АКМЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ СТУДЕНТАМ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Задачей современного вуза является воспитание личности не только обладающей специальными знаниями, но и подлинно культурной, способной ответить на вызовы времени. Одним из таких вызовов является *культурная индифферентность* эпохи – вызов тем более серьезный, что причина скрыта в нас самих. Тайный нерв современной духовной ситуации с предельной точностью указан философом: «При первом прикосновении к миру разум заходит в свои лабиринты невольно, не может не впасть в антитетику \...\», и только тот, кто не будет прятаться от этой правды, имеет шанс увидеть свое крушение как разума, крушение своих проектов, своих надежд на синтез. Если бы только минута отрезвления длилась. Она

никогда не длится. Для разума стоять открыто перед вызовом мира слишком невыносимо» (Цит. по Топоров 1995, с. 507). Выход, очевидно, заключается в напряженной рефлексии, в *собирании* духа, поднимающегося над злобой *дня сего*, в изучении уроков культурного и исторического прошлого. Это, однако, нелегко. Сошлемся на диагноз, поставленный О. Шпенглером в начале прошлого века. «Ибо опошлилось само время, и многие даже не знают, в какой степени это относится к ним самим... Дурной вкус..., проявляющийся в сложении с себя всякой общественной обязанности и отказе от прежних нравов, - все это доказывает, что чернь стала задавать тон... Культура в самом своем превосходстве есть враг. Поскольку не могут понять ее творений, внутренне усвоить их себе, поскольку они существуют не «для всех», их надлежит уничтожить... Одинаково делать деньги и транжирить их на одинаковые удовольствия: хлеба и зрелищ – большего и не надо, большее и не лезет в голову. Превосходство, манеры, любого рода внутренний ранг суть преступления» (Цит. по Шпенглер 1993, с. 117). Так это было увидено более чем полвека назад. С тех пор, по свидетельству К.А. Свасьяна, мы *экзистенциально* настолько олицетворили сказанное, что не только не в силах опровергать это *идеологически*, но «просто не в состоянии увидеть, услышать, *воспринять* это». И далее: «Не будем обманываться: *действительность* заката превзошла-таки его шпенглеровский *гештальт*. Ведь даже эта последняя тристановская агония во всем ее диссонирующем объеме протекала еще в изумительной верности правилам старой гармонии и контрапункта. То, что наступило после, было даже не атональностью, а просто глухотой; вчитайтесь в бархатно замирающие аккорды этой книги, еще не знающей, какая после этого настанет тишина, еще блаженствующей в своих сновиденных прощаниях с прошлым и боящейся проснуться в новую действительность, в новое измерение *«уже не той»* Вселенной...» (Там же, с. 17-18).

Полагаем, что именно в *глухоте эпохи*, в *метафизической истощенности* современного человека, ведущей к упрощению духовной структуры его личности, в абсорбции духовного начала, единственно связанного с памятью, болью, сопереживанием и состраданием, с личностной ответственностью и неотделимым от нее выбором, коренятся причины того состояния, о котором говорит философ. Здесь же коренятся и причины *полупрофессионального*, в сущности отчужденного отношения к делу. Но христианская культура, по слову М. Мамардашвили, принадлежит людям, способным в частном деле реализовать бесконечность божественного начала. Становление профессионала предполагает аспект ответственности студента за реализацию собственного творческого потенциала, стремление к самосовершенствованию и способность к жертве (ограничению) во имя *возрастания в духе*. Важно, чтобы это стремление стало *метафизическим долженствованием*, духовной стратагемой, которая определяла бы деятельность выпускника вуза многие годы. Вся деятельность Волгоградской государственной сельскохозяйственной академии подчинена достижению этой цели, так что *акмеологический* подход к профессиональному образованию в ВГСХА предвосхитил теоретически обоснованную парадигму. Объем статьи не позволяет назвать имена преподавателей, которые служат для студентов примером христианской культуры в отношении к делу (их абсолютное большинство), равно как и охарактеризовать основные направления работы, направленной на развитие творческих способностей студентов, прежде всего, воспитательной работы, осуществляемой под руководством проректора Л.В. Михайловой. Ограничимся тем, что представим некоторые методологические соображения относительно возможностей реализации данного подхода в преподавании русского языка и культуры речи. Прежде всего, выскажем предположение о связи акмеологии с одним из архетипов

византийской и русской духовной традиции – архетипом ответственности человека за раскрытие дарованного Богом духовного потенциала, отсылающим к прецедентному библейскому тексту о талантах. Несомненна связь рассматриваемого архетипа с византийским концептом Софии-Премудрости Божией как имманентного опосредования связи между Богом с Его неисчерпаемыми творческими энергиями и миром и человеком в их радостной причастности Божественному творчеству. (О смысле Софии см. В. Топоров, 1995, с.60). Византийское понятие Софии восходит к позднебиблейской философе Софии как художницы мира. Премудрость-София, «по ее собственным словам, от века была художницею при Господе и радостию всякий день, веселясь перед лицом его все время, -- «Книга притчей Соломоновых» (Топоров, 1995, с. 61). Учение о Софии-Премудрости Божией составляло внутренний ресурс человека, чье культурное делание во многом определило тысячелетнюю духовную традицию на Руси, собиравшую, как в магическом кристалле, все наиболее творческое в духовной сфере, блестящего полемиста, философа, поэта, стилиста, стоявшего у истоков славянской книжной поэзии и письменности, -- святого Константина. Характеризуя ту плотную духовную традицию с «очень четко ориентированным вектором – от ветхозаветного истока к новозаветным и святоотеческим текстам», внутри которой находился святой Константин, исследователь отмечает основные черты софийного круга идей. Прежде всего, в Софии-Премудрости усматривалось этой традицией творческое, зиждательное начало, которое «бросало свой отблеск на весь мир, делая и его софийным, -- и в его возникновении, которое должно пониматься как сотворение мира, и в его развертывающемся бытии (вечность творения при временности его бытия)». Второе, предполагалась тесная связь Софии и Слова, которые играли особую роль в посредничестве между миром и Богом, в памяти мира и человека об их сотворенности Богом и своем подобии Ему

(Топоров, 1995, с. 66). Подвиг Константина Философа, верного рыцаря и ученика Софии, положил начало тысячелетней культурной традиции на Руси, создавшей слово необыкновенной бытийственной полноты, логосное Слово, соединенное с мудростью, перформативное слово, Слово-Дело, которое воистину является орудием не *sego* (слишком *sego!*), но будущего века. Если обратиться к идеям «Прогласа» святого Константина, то именно *это* слово «выполняет три духовные задания – питает человеческие души, укрепляет сердце и ум, готовит к познанию Бога», а «без слова («своего») – греховная тьма, тление плоти, опадание души» (Топоров, 1995, с. 53). Именно оно, а не простое, профаническое слово, позволяет актуализировать «культурное состояние» студентов, то их есть потенциальную готовность к усвоению и производству духовных и материальных ценностей, к тому бытию, о котором сказал Борис Пастернак: «Культура есть способ плодотворного существования человека». Такое слово софийно. Оно является имманентным опосредованием связи между человеком и ноуменальным потенциалом его личности. Оно уводит в таинственные объемности духовной жизни и может быть пережито только *экзистенциально*, напряжением всей совокупности духовных сил личности. Мы с горечью можем констатировать внутреннее оскудение слова в речевой практике современной молодежи. Условно мы можем обозначить его как затухание, за невостреманностью, утонченных, наиболее удаленных от денотативного ядра значения, коннотаций культурно-исторического, эмотивного, образного, стилистического характера. Для многих молодых людей характерно механическое, чисто утилитарное пользование языком, что даже при отсутствии явных отступлений от языковых норм создает впечатления недолитературности речи, тем более что зачастую она избилует сдвигами в синтаксической структуре высказывания. Тем большую значимость приобретает не просто воспитание у студентов

чувства правильной, образцовой русской речи, но создание таких ситуаций, где истина о безграничном смысловом потенциале русского слова, о его роли как аккумулятора культурных ценностей, была бы воспринята студентами не вербально, а *экзистенциально*. Речь идет об использовании прецедентных текстов, прежде всего художественных. Работа над подобными текстами предполагает не только усвоение *простого знания*, которое «может быть и статичным и экстенсивным», но и рефлексивное, развивающее личность познание, *мудрость*, которая «всегда интенсивна, самоуглубленна и находится в процессе вечного самоуглубления» (Топоров 1995, с. 74). Сошлемся на формулу Марины Цветаевой: «Поэт – утысяченный человек». Такие тексты являются идеальным шифром для чтения культурного кода, они обостряют восприимчивость студентов к культуре, которая «всегда пребывает в самоуглубляющемся движении и реализует себя лишь на своих границах» и поэтому «софийна и бытийственна» (Топоров 1995, с. 230). Прецедентные тексты порождают гностическую ситуацию сосуществования А и не-А в одном и том же хронотопе (в ее личностном варианте – ситуацию диалога Я внешнего и Я глубинного, внутреннего, см.: Топоров 1995, с. 101) или, иначе, ситуацию *обмена бытием*, пресуществления в бытии другого, которая создает предпосылки для раскрытия творческого потенциала личности студентов и, возможно, стратегию их духовного роста в будущем.

В заключение подчеркнем острую актуальность акмеологической парадигмы в теории и практике профессионального образования. Она позволяет надеяться на воспитание личности, способной работать на благо России и во имя личного преуспеяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. М.,1995.
2. Шпенглер О. Закат Европы. М.,1993.